

Хо Цзюй бросил взгляд в сторону, откуда доносился шум. До того места было немалое расстояние, а с его ногой быстро туда добраться он всё равно не смог бы. Если этот мальчишка и вправду угодил в беду, в чём-то это даже было бы ему на руку: кем бы тот ни был, с его смертью всё остальное теряло смысл.

Сжав губы в тонкую прямую линию, Хо Цзюй глянул в сторону гор, где зелень леса терялась в глубине, взгляд его был холодным и мрачным. Сжав пальцы на деревянной палке, он повернулся и направился обратно в дом.

- Ты доел? Подожди немного, я сейчас приду за посудой, — раздался за спиной бодрый голос юноши.

Хо Цзюй резко обернулся, зрачки заметно дёрнулись. Высокий и стройный парень с топором грубой работы, засунутым за пояс, шёл в его сторону, легко и небрежно неся на плече сразу три поваленных дерева.

Если бы попытаться описать потрясение, охватившее Хо Цзюя в этот момент, то оно было бы сродни тому, как если бы он увидел, как Линь Дайюй* с корнем вырывает плачущую иву.

(ПП: болезненная дочь янчжоуского учёного чиновника Линь Жухая из «Сна в красном тереме»)

За те дни, что Хо Цзюй провёл в горах, пленённый этим юнцом, он, разумеется, успел заметить, что с ним что-то неладно. Не говоря уже обо всём остальном, даже то, как он добивался своего, днём и ночью без устали, уже выходило за пределы человеческой нормы. К тому же, когда их тела соприкасались, исходившее от парня жаркое, почти обжигающее тепло поначалу сбивало Хо Цзюя с ритма, заставляло терять контроль и ощущать досаду на самого себя.

А ещё слишком часто он оказывался втянут в этот безумный водоворот, ведомый Лин Си, теряя рассудок и превращаясь вместе с ним в дикое, неукротимое существо. Тогда в них обоих будто просыпались звери.

Хо Цзюй уже успел оценить его силу и боевое мастерство - ловкое, непредсказуемое, чуждое всему, что он когда-либо видел. Но даже так он не мог вообразить, что человек способен обладать подобной мощью. Юноша больше походил не на воспитанного тайным орденом убийцу, а на порождение самой горы, на дикого, волшебного духа, воплотившегося в теле человека.

С гулким звуком Лин Си опустил на землю связку брёвен и отряхнул плечо от пыли. Подняв глаза, он заметил, что мужчина смотрит на него с мрачной, серьёзной миной, и удивлённо приподнял бровь:

— Что такое?

Губы Хо Цзюя слегка дрогнули, целый вихрь вопросов рвался наружу, но первым вырвался:

— Твоё имя?

Лин Си только тут сообразил - и впрямь, они уже пережили столько близости, а даже имен друг друга не знали.

— Лин Си. А твое?

Хо Цзюй едва заметно кивнул, давая понять, что запомнил. Когда он заговорил, то на миг замешкался:

— Моя фамилия Хо. В семье мне имени не дали. Я старший, потому все зовут меня Хо-далан.

Лин Си на секунду застыл. Мысленно повторив «Хо-далан» и глянув на этого мужчину с благородными чертами и сдержанной статью, он понял - ну совсем не сочетается. Примерно как если бы известную звезду вдруг звали Железной Палкой, Шурупом или Пёсиком - слишком уж резало слух. Кажется, в деревнях действительно бытует такая традиция звать по порядку в семье вместо настоящего имени. Особенно девочек: Старшая девочка, Вторая девочка, Третья девочка ...

— Ладно, Хо... — начал было Лин Си, но вдруг осёкся: язык не поворачивался выговорить «далан», потому что в голове тут же всплыла та самая знаменитая фраза Пань Цзиньянь*.

(ПП: Пань Цзиньянь - распутная, коварная женщина, изменившая своему мужу Хо-далану в романе «Речные заводы». Лин Си не может заставить себя произнести «далан», потому что это имя - прямое совпадение с именем несчастного мужа Пань Цзиньянь, которое стало синонимом рогоносца, обманутого и жалкого мужа)

- Кхм, — Лин Си сдержал подрагивающий уголок губ. — Ты, наверное, старше меня, тогда я буду звать тебя старший брат Хо.

Улыбка юноши, пусть и сдержанная, не ускользнула от взгляда Хо Цзюя, хотя он и не понял, что именно его так позабавило.

— Как хочешь. Мне двадцать пять, — спокойно ответил он.

Мужчина излучал силу и непоколебимую мощь, его телосложение, будто выточенное из меди и железа, само по себе давило. Обычно, стоило ему появиться, как у людей подкашивались ноги от страха. Редко кто вообще замечал его неестественную, почти пугающую красоту. И точно так же, глядя на него, все без раздумий принимали его за куда более взрослого. Двадцать пять звучало слишком молодо. Лин Си был уверен, что ему как минимум за тридцать. И не потому, что лицо старше, нет, просто в нём была такая зрелая, сдержанная решимость, такой опыт,

такая твёрдость в поступках, что ничего общего с двадцатилетними болтающимися туда-сюда юнцами.

— Мне восемнадцать, — в духе взаимной вежливости сообщил Лин Си.

Брови Хо Цзюя чуть понизились, взгляд стал тяжелее. Значит, он и правда такой молодой, не просто выглядит. Он оказался старше Лин Си ровно на семь лет. И, выросший с младшими братьями и сёстрами на плечах, Хо Цзюй вдруг ощутил странную, смутную тяжесть на душе.

Повреждённая нога начала ныть от долгого стояния, возвращая Хо Цзюя в реальность. Имя Лин Си, возраст восемнадцать лет - всё это могло быть выдумкой. У него не было никакой причины испытывать угрызения совести.

После обмена именами и возрастом высокий мужчина вернулся в дом. А Лин Си тем временем уже взялся за топор и начал обрабатывать древесину. В сосне всё шло в дело, её части можно было использовать и как топливо, и для мыла, и для ополаскивателя.

Хо Цзюй устроился у окна и наблюдал, как юноша трудится под солнечными лучами. Его движения были ловкими, отточенными, каждая мышца двигалась точно и слаженно. Белоснежная кожа рук резко контрастировала с ярким светом, а под ней скрывалась по-настоящему мощная сила.

Капли пота, словно оборванные нити жемчуга, капали на землю. Юноша небрежно тряхнул головой, и чёрные короткие волосы взметнулись на ветру, обнажив гладкий лоб. Пот, разбрызгиваясь, преломлялся в пёстрых лучах солнца, превращаясь в россыпь разноцветных капелек, летящих во все стороны, как будто это были настоящие радужные жемчужины.

На дереве надрывались цикады. Горло Хо Цзюя внезапно пересохло, потому что перед глазами всплыл знакомый до боли образ: точно так же юноша склонялся к нему сверху вниз, с румянцем, растекающимся по уголкам глаз. Руки обвивали его за плечи и спину, а крошечные капли пота с его лица падали ему на губы. Горячие пальцы юноши с лёгкостью стерли каплю пота с его губ. Опущенные ресницы отбрасывали лёгкую тень, открывая маленькую родинку под глазом, а улыбка, расплывшаяся на лице, была невыносимо обольстительной: «Прости».

Всего одно незначительное движение, и Хо Цзюй тогда словно сорвался с цепи, как необузданный жеребец. Он потерял всякое самообладание, а вспыхнувший в уголках глаз Лин Си румянец медленно пропитывался слезами.

Ощущение жара на плечах и спине вдруг снова отозвалось в теле. Хо Цзюй поднял руку и прижал к тому самому месту, раздражённо мысленно отчитывая себя за то, что среди бела дня предаётся таким воспоминаниям. Он должен был чувствовать стыд. А не сидеть вот так, погружённый в греховные грёзы.

Он потянулся, чтобы закрыть окно, но рука вдруг застыла в воздухе. Скорее всего, было

слишком жарко - Лин Си, трудясь в лесу, снял верхнюю одежду, не стесняясь, оставшись по пояс голым. Хо Цзюя будто молнией ударило. Он застыл, его острое, как у стрелка, зрение с лёгкостью уловило всё: на груди, которую прикрывал жилет, на спине, на боках - там всё ещё оставались отпечатки, следы... доказательства его «визита».

Если бы у Хо Цзюя были глаза на затылке, он бы давно понял, что и сам Лин Си отнюдь не щадил его. У него и так уже были травмы, но когда Лин Си мазал ему спину лекарством, он незаметно обработал все следы своих ногтей и зубов. Хорошо ещё, что Хо Цзюй не мог туда заглянуть, иначе Лин Си ни за что не сумел бы объяснить, почему отпечатки от его зубов выглядят как два аккуратных прокола.

Хо Цзюй простоял у окна довольно долго, прежде чем очнулся. В виске стучало, словно в него забили кол. Хватит. Глаза не видят - и душа спокойней будет. Надо лечь и восстановить силы.

В последнее время он слишком много тратил энергию, и стоило ему прилечь, как сон тут же сморил. Но стоило послышаться приближающимся шагам, как он распахнул острые, хищные, как у ястреба глаза.

— Настоящий зверь, — отметил Лин Си, не без одобрения. Затем добавил, обращаясь к Хо Цзюю: — Вставай, я тебе грудь обработаю. Если дальше так запускать, это начнёт подтачивать организм.

— Ты что, лекарь? — Хо Цзюй поднялся, опираясь на край кровати, не сводя взгляда с юноши, снующего туда-сюда.

Лин Си покачал головой, даже не поднимая взгляда:

— Нет. Просто немного разбираюсь в первой помощи.

— Ты знаешь травы, умеешь обрабатывать раны. Я подумал, что ты либо лекарь, либо из семьи с врачебной династией, — сказал Хо Цзюй, перемещаясь к стулу у окна и внимательно наблюдая за выражением лица юноши. — Обычный человек при виде моего состояния давно бы в обморок грохнулся.

Лин Си уловил нотку скрытого допроса в тоне и с лёгкой усмешкой перевёл взгляд на мужчину:

— Брат Хо, ты так интересуешься мной?

Хо Цзюй ответил прямо:

— А как же не интересоваться? Ты не спросил моего мнения, просто взял и увёл меня в горы. Я хотя бы должен знать, с какой ты горы.

Сравнение с разбойником Лин Си воспринял с самоиронией, почесал нос и, чуть опустив голову, примирительно сказал:

— Прости. Тогда ситуация была слишком острая. Если у тебя есть какие-то желания или хочешь, чтобы я сделал что-то для тебя, скажи. Я постараюсь хоть немного компенсировать причинённое.

— Компенсировать? — в голосе Хо Цзюя прозвучал тяжёлый оттенок, глаза потемнели. По меркам общества между двумя мужчинами не было такого понятия, как «кто в проигрыше». Детей от такого союза не будет, значит, остаётся только удовольствие.

Пусть внешне Лин Си и напоминал молоденького гера, он всё же был самым настоящим мужчиной. С точки зрения мира они не должны ничего друг другу, никакой ответственности. И всё же Хо Цзюй мечтал о такой любви, как у старого генерала Ляня и его жены: один на всю жизнь, неразлучная пара. Он действительно серьёзно обдумывал всё и пришёл к выводу: если подтвердится, что Лин Си не человек с дурными намерениями, он женится на нём.

Но в словах Лин Си слышался оттенок: начал и бросил, словно хочет расплатиться и разойтись разными дорогами. «Компенсация, и мы квиты» - разве не это он имел в виду?

Хо Цзюй совсем забыл, что Лин Си такой же мужчина, как и он, а значит, подвержен той же врождённой мужской порочности. Сегодня он, а завтра, возможно, кто-то другой.

— Ладно, — Хо Цзюй ткнул пальцем себе в грудь, потом в ногу. — Вылечи мои раны. Я и так был тяжело ранен, а теперь из-за тебя стало только хуже. По справедливости, ты обязан нести за это ответственность.

В памяти Лин Си всплыли сцены, как он сам запихнул человека в воду, прижал к дереву... Да, пожалуй, тогда он и впрямь действовал без оглядки на чужую жизнь.

Лин Си без колебаний кивнул:

— Хорошо.

Когда всё было решено, он наконец принялся всерьёз за обработку ран.

— Дай мне твой нож. Моя костяная заточка уже не справляется.

Хо Цзюй провёл десять лет в походах, прошёл через войны и ранения, потому, поняв, что Лин Си собирается заняться очищением ран, не раздумывая передал ему свой кинжал.

Лин Си вскипятил воду, стараясь максимально обеззаразить всё и не допустить заражения. Хо

Цзюй наблюдал, как юноша достал какой-то плотный брусок, намочил его и начал тереть в ладонях, тот быстро вспенился. Пена была мелкой, густой и плотной. Когда ее смыли чистой водой, кожа Лин Си словно стала ещё светлее, а в воздухе повис лёгкий, приятный аромат. Это явно было не обычное мыло, сделанное из свиных потрохов.

— Что это? — Хо Цзюй впервые видел такую вещь. Неужели новинка из столицы?

— Смоляное мыло. Я сам сделал, — Лин Си не стал ничего скрывать. Всё равно раны у Хо Цзюя быстро не заживут, придётся находиться рядом долго. Такие вещи утаить не получится, да и смысла в этом он не видел.

В глазах Хо Цзюя промелькнуло удивление. Он хотел было что-то спросить, но Лин Си уже поднёс к его ране нагретый на огне кинжал.

— Обезболивающего не нашёл, потерпи.

Рука у Лин Си была твёрдая, движения быстрые, решительные, ни малейшей лишней заминки. Было видно, что мужчина умеет терпеть боль. Но настолько? Лин Си приподнял веки, бросил короткий взгляд. Хо Цзюй сидел, словно из камня высеченный: ни единой гримасы, ни звука, как будто он вообще не чувствует боли.

«Я-то думал, что я вынослив, но всегда найдётся кто-то ещё крепче», - мелькнуло в голове Лин Си.

Закончив очищать рану, он достал иглу с ниткой. На лбу Хо Цзюя выступила испарина, губы побелели.

— Что ты собираешься делать? — спросил он сухим голосом.

— Не бойся, пара швов. — Лин Си изначально хотел использовать овечью кишку, такой шов со временем рассасывался сам и не требовал снятия. Но, увы, овцы под рукой не оказалось, а рану оставлять открытой было уже нельзя. Придётся использовать обычную нить.

Слова Лин Си звучали для Хо Цзюя как нечто из другого мира. Человека ведь не одежда, разве можно просто взять и зашить? Он уже собирался возразить, но увидел, с каким сосредоточенным, серьёзным лицом работает Лин Си, и слова застряли в горле.

«Да хоть техника шитья одежды у него и была паршивой, главное, чтобы швы на теле были аккуратными», — подумал Хо Цзюй.

Лин Си внимательно осмотрел тонкие, плотные стежки, довольно кивнул:

— Не переживай. С моей практикой шрамов не останется.

— Ты уже кого-то зашивал? — Хо Цзюй старался говорить спокойно, но в голосе сквозила слабость. Взгляд по-прежнему был острый, оценивающий.

Лин Си начал собирать инструменты и небрежно ответил:

— Себя.

Если бы это было кому-то, я бы не заморачивался и делал как попало...

Постепенно в острых глазах Хо Цзюя промелькнула тень, взгляд стал сложнее. Что же это за среда, где ребёнку приходится самому себе зашивать раны? Да и сам метод, он такого прежде не встречал. Неужели Лин Си вовсе не из Дашэна?

Когда с раной на груди было покончено, Лин Си опустился на корточки, осматривая его ногу. Базовые навыки первой помощи он изучал ещё в школе, а зашивать на себе раны научился по необходимости, слишком часто приходилось выходить на задания. Он не был врачом, и дать точный диагноз по ноге не мог.

— Эту травму я вылечить не смогу. Нужно идти к меди... — он вовремя себя поправил, — к лекарю. Завтра с утра и пойдём.

На следующее утро, стоя в тумане на развилке, Лин Си растерянно огляделся по сторонам:

— И... куда идти?

<http://bllate.org/book/13580/1204853>